

Текст · 24 июня 2022, 11:58

Алла Константинова,

Три дня от контракта до смерти. История двух добровольцев, отправившихся воевать, чтобы вернуть семью

Минобороны настойчиво предлагает россиянам заключить краткосрочный контракт с армией и отправиться в Украину. На фронт таких добровольцев часто отправляют вообще без подготовки, потери среди таких военных в последнее время растут стремительнее всего. Как это происходит, «Медиазона» рассказывает на примере двух сослуживцев: оба пошли на войну, надеясь таким образом вернуть своих жен, оба оказались в окопе уже через три дня после подписания контракта, оба там попали под обстрел. Но выжил только один.

Утром 15 мая Евгений Чубарин позвонил матери. «Торопился: "Мам, мне сейчас пулемет выдадут, некогда". И все, больше я его не слышала», — вспоминает последний разговор с сыном Нина Чубарина, 50-летняя доярка и мать девятерых детей из карельского поселка Шелтозеро^[1].

На следующий день он погиб во время артиллерийского обстрела где-то в Харьковской области^[2]. В Украине 24-летний Чубарин пробыл всего пару дней. А еще за пару дней до этого был в родной Карелии — перед отправкой на фронт заключивших контракт добровольцев вообще не готовили.

9 мая, за неделю до гибели, Евгений помогал старшему брату ставить забор возле дома в Шелтозере, они шутили и много смеялись. «Женька у нас самый веселый был», — вздыхает Нина Чубарина. Евгений — четвертый по старшинству из пяти братьев и четырех сестер.

В 18 лет отслужил в армии, женился, растил сына, работал на камнеобрабатывающем предприятии в том же поселке. «Он хорошо получал: по 80, по 90, по 60 тысяч, сколько зарабатывает, — говорит Нина Чубарина. — А когда уехал [воевать], я его спросила: "Женя, сколько тебе хоть платить будут?". Я, говорит, не знаю».

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Заклучить контракт и отправиться в Украину Евгений решил не ради заработка, а из-за распавшегося брака. «Хотел доказать своей бывшей жене, что он такой вот... ничего не боится, — объясняет его мать. — Думал вернуть ее таким способом, думал, она скажет: "Женя, не уходи". А она сказала: "Мне все равно"».

Вспоминая отъезд сына, Нина Чубарина так и говорит: «на войну», но потом уточняет, что называет происходящее в Украине войной «так просто, для себя».

Три дня от военкомата до фронта

С марта, когда вторжение в Украину забуксовало, по всей России стали зазывать в армию тех, кто раньше уже отслужил. Объявления о наборе на службу висят на улицах и в общественном транспорте, резервистам звонят из военкоматов или приносят повестки. За три с половиной месяца на одном только *HeadHunter* было размещено около семи тысяч вакансий по специальности «Военнослужащий по контракту», отмечает Русская служба «Би-би-си». Еще 18 тысяч вакансий к началу апреля появилось на *Superjob*, а около 500 объявлений — на сайте, связанном со страницей Минобороны России.

Обычно минимальный срок службы в контрактной армии — два года, но сейчас всем предлагают краткосрочные контракты. «В течение 10–15 дней максимум вы оформитесь полностью должным образом как контрактник, — сказали "Би-би-си" в пункте одного из южных регионов России. — Краткосрочный контракт: три месяца — шесть месяцев — год. И уже *туда* будете убывать непосредственно».

Заклучивших подобные контракты иногда называют «добровольцами». «Собрали всех за пару дней, повезли, — рассказывал "Би-би-си" один из таких добровольцев. — В часть приехали ночью. Утром одели: берцы, форма, из снаряги дали вещмешок еще советского образца, вафельное полотенце, кусок мыла и нательное белье советское. На моем печать стояла: 1960 год».

Дополнительной подготовки перед отправкой на фронт, как правило, не ведется. «Обучения тактике нет, сплочения личного состава нет. Я уже от этого был в шоке. Некоторые автомат толком в руках не держали, танков не видели вживую, а им через пару дней на войну. Надо же обкатать, обстрелять состав, как же так?» — удивлялся тот же контрактник.

Именно среди добровольцев наблюдается самый большой прирост смертей за последнее время, следует из подсчетов, которые «Медиазона» ведет вместе с группой волонтеров и Русской службой «Би-би-си». Вероятно, они очень активно участвуют в боевых действиях: к 17 июня известны имена уже 158 погибших^[3].

Евгений Чубарин из Шелтозера пришел в военкомат в Петрозаводске в конце апреля. Он заключил контракт на три месяца, отработал у себя на «каменке», как говорят в поселке, положенные по трудовому договору две недели, а 12 мая его вместе с другими добровольцами отправили на военном самолете в Белгород.

По дороге он присылал матери в ватсапе фотографии и видео. «Все долетели, все заебись, охуенный полет», — говорит он на одной из записей, снимая спины мужчин, бодро шагающих по взлетно-посадочной полосе. Из Белгорода их привезли на военную базу в Валуйках, выдали оружие, обмундирование и отправили в Украину.

Видео на YouTube

YouTube

От военкомата до смерти в Украине за три дня. Евгений Чубарин

@Медиазона

<https://youtu.be/7vZ6p1S-jE4>

«Подготовки там никакой не было, это сразу было понятно по Жениным разговорам, — говорит Нина Чубарина. — Приехали, одели, выдали ружье, пулемет — и все, вперед, на мины».

На втором видео^[4] несколько десятков мужчин в военной форме сидят в грузовике вплотную друг к другу, держа в руках автоматы. «Сто двадцать пятый», — говорит кто-то из них и по головам солдат передает перетянутый ремнем сверток вещей.

«Короче, как кильки в банке, — комментирует Чубарин за кадром. — Просто утрамбовывают нас». Он просит сослуживцев посмотреть в камеру: мужчины неловко улыбаются.

В этой же машине едет и Дмитрий Осипов^[5], в кадр он не попал. Его бывшая жена Лариса Осипова^[6], вспоминает, что впервые Дмитрий ездил в военкомат в Петербурге в последних числах апреля, но «она не верила, что его возьмут». А уже 12 мая он вместе с другими контрактниками вылетел из Ленинградской области в Белгород — тем же бортом, что и Чубарин.

«Мой приехал в военкомат на Фонтанке в десять утра 12 мая, что-то там подписал, что именно, не знаю: два документа разных были, но фотографии ему не разрешили сделать,— вспоминает его рассказ Осипова. — Их тут же повезли в Пушкин на

военный аэродром, потом они полетели в Карелию, он мне прислал еще фотку — забрали оттуда 30 человек. Потом полетели куда-то рядом с Череповцом, в Вологодскую, получается, область. В 23 вечера прилетели в Белгород, ночевали в каком-то тренажерном зале».

В этом перевалочном пункте, по ее словам, муж встретил вернувшихся из Украины военных: «Они все пообщались, и люди эти рассказали, что там на самом деле происходит. Утром половина тех, кто прилетел этим самолетом, отказалась ехать. И они своим ходом оттуда вернулись, как я поняла».

Утром 13 мая Дмитрий сказал, что всех перевезли в воинскую часть в Валуйках, где он уже успел пройти психологический тест и медкомиссию. «Я думала, их там две недели продержат, как положено, сколько там до присяги, — рассуждает Осипова. — А в пять вечера я ему перезваниваю, и он мне говорит: "Ларис, я занят, я оружие получаю". Я аж опешила. Еще анализы теплые, а их уже туда отправляют? Ну, и в 22:47 мы с ним в последний раз созвонились. И все, дальше телефон был выключен».

Евгений Чубарин, получив оружие, отправил фото маме: он стоит с автоматом Калашникова в каске и тяжелом бронежилете советского образца. На потертом бронежилете надпись «2 ВО». На следующий день прислал еще пару фотографий: мужчины с оружием позируют в форме без опознавательных знаков, они смеются и курят.

Тогда же Евгений отправил одно из последних аудиосообщений: «Взял с собой еще этот... АК-47».

На всякий случай, чтобы мало ли... если пулемет перегреется. Потому что, говорят, что будем держать оборону... хохлы прорвались... До хрена, короче, их тысяч. И хотят нас в кольцо взять».

Похороны в Шелтозере. «В шее была большая дыра»

Утром 23 мая у Нины Чубариной снова зазвонил телефон. Представившийся сотрудником военного комиссариата Карелии незнакомец объявил ей о гибели сына. «Мы с плохой новостью, — пересказывает разговор Чубарина. — Ваш сын погиб, мы нашли его убитым. То ли 16-го, то ли 17-го мая, я уж не помню».

Тем же утром о его гибели написал у себя во «ВКонтакте» губернатор Карелии Артур Парфенчиков: «Евгений служил по контракту в батальоне материального обеспечения. Приношу самые искренние соболезнования родным и близким героя».

Дальнейшие события женщина пересказывает с трудом. Помнит, что звонил глава района — объявить, что правительство Карелии возьмет на себя организацию и оплату похорон. Глава сельского поселения передала ей вещи сына: почему-то порванную с краю фотографию Жени с двухлетним сыном Артемом и брелок.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

«Я ему подарила этот брелок, когда еще в армию провожали, — Нина Чубарина говорит, что теперь безделушка всегда при ней. — Внутри наша с ним фотография и стихи на другой стороне, сейчас я вам почитаю: "Для мамы сына нет родней, сын для нее — родная кровь. Не может что-то быть сильнее, чем к сыну матери любовь". Он на ключах его держал».

Почему личные вещи передала глава поселения, а не военный комиссар, Нина не знает. Как не знает, где остался телефон сына — ей его не вернули.

Тело Евгения военные привезли 25 мая. Нина рассказывает, что на прощании в местной церкви подняла крышку бордового гроба и увидела сына: «В шее была большая дыра, и вокруг нее ожог. И лицо поцарапано — осколками, наверное».

«Столица на Онего» писала со ссылкой на «знавших его людей», что Евгения определили поваром батальона материального обеспечения, но тот «сразу же попросился бойцом на передовую». Нина Чубарина говорит, что сын ничего подобного ей не говорил, поварского образования у него не было, и речь сразу шла об отправке в места боев.

Хоронили всем поселком на следующий день. Сначала гроб, накрытый российским флагом и венками, поставили на скамью у здания администрации. В дате смерти на кресте ошиблись, говорит мать: «Почему-то поставили днем гибели 14 мая, хотя 15-го он мне еще звонил». Под звуки оркестра гроб опустили в могилу на местном

кладбище, а триколор отдали матери. «Нина Алексеевна прижала его к себе, словно обнимала сына, и заплакала», — [писала](#) о церемонии прощания местная газета «Столица на Онего».

Мать говорит, что ни один из чиновников, выступавших на церемонии, лично с ней поговорить не пытался. Депутат карельского Заксобрания, заместитель военного комиссара республики, глава Прионежского района — все они соболезновали только в микрофон. Среди присутствовавших был и старший лейтенант Домир Копкаев, который сказал «Столице на Онего», что служил вместе с Чубариным.

«Он погиб, защищая своего товарища, — цитирует лейтенанта издание. — Мы стояли под Мариуполем. Ночью украинцы стали обстреливать наши позиции. Женя стоял у БМП и увидел летящий снаряд. Он оттолкнул товарища, а сам попал под снаряд и погиб. А товарищ его получил ранения, сейчас находится в госпитале в Москве, но остался жив».

В свидетельстве о смерти, замечает Нина Чубарина, тоже указан Мариуполь. Это противоречит всему, что ей рассказывал и присылал сын: прибытию сначала в Белгород, потом в часть на границе с Харьковской областью, а затем в Украину.

О том же маршруте говорит и оказавшийся с ним в одном отряде Дмитрий Осипов. Он был ранен попаданием того же снаряда, но выжил.

Обстрел окопа под Харьковом

Лариса Осипова позвонила на горячую линию Минобороны 16 мая, на третий день без связи с Дмитрием. «"Ваш муж выполняет боевые задачи, его в списках раненых, пленных, убитых нет, все в порядке", — вспоминает она ответ. — Я довольная кладу телефон, и ровно через три минуты звонит муж со своего номера. У меня еще первая мысль была: "Фига себе у нас Минобороны работает, вздрючили его там, чтобы жене позвонил". А он говорит: "Ларис, я ранен, у меня порвана артерия, рука пока шевелится, я жду самолет на Питер". И трубку положил».

На часах, по ее словам, было около 17:30. Только позже она узнала, что звонил муж из госпиталя в Белгороде. Пока же Осипова двое суток безуспешно пыталась узнать, где он и что с ним.

«Минобороны по горячей линии продолжало говорить мне, что мой муж "выполняет боевые задачи", — усмехается она. — Думаю, мало ли, он истекает кровью где-то, ему сказали: "Ждите самолет на Питер", а он там и умер? Звоню в наш военкомат на Фонтанке, говорю: "Скажите мне личный номер моего мужа". А там сотрудник мне заявляет: "Они должны были запомнить номера, которые им прописали в Белгороде в контракте". Я говорю: "Вы вообще нормальный? И что — ну запомнил он на бумажке, а обгорел он там в каком-нибудь танке? Вы что творите-то?"».

Лариса рассказывает, что потом уже узнала от Дмитрия, что нательных жетонов им не выдавали. Он снова позвонил ей с незнакомого номера только вечером 18 мая, рассказал, что его прооперировали в

Военно-медицинской академии Петербурга, и назвал свой номер пациента.

«Ну и все, я начала поднимать всех своих знакомых, узнала, что там с ним, — продолжает Лариса. — По телефону в академии никто тебе ничего не скажет, конечно. Там знакомый врач работает, он мне сообщил, в какой он палате лежит. Пропуск мне выписывал его лечащий врач, а все остальные родственники записываются через колл-центр. Пускают туда только близких родственников; двоюродных, друзей — нет. Вот двоюродный брат мужа пытался приехать, у них фамилия одна и та же — ему отказали».

Сам Дмитрий Осипов разговаривать с «Медиазоной» отказался. Его супруга говорит, что в Военно-медицинской академии «везде прослушки», потому он и опасается разговаривать с журналистами. Но Ларисе обстоятельства ранения он рассказал, по словам Дмитрия, между ранением и первым звонком из госпиталя прошла всего пара часов.

«Два дня они рыли окопы, — пересказывает она. — Их предупредили, что готовится наступление, вокруг них где-то там работал наш спецназ. Мне мой говорил, что на часах было 15:30 где-то, и прилета снаряда они не слышали, да и не могли услышать из-за шума двух двигателей — в тот момент рядом стояли два БМП. Только про Мариуполь он мне ни слова не говорил. Как я поняла, это случилось где-то в Харьковской области».

Через неделю Лариса Осипова случайно увидела в сети фото с похорон Евгения Чубарина. Она родилась в Карелии и заинтересовалась статьей о погибшем. Навещая мужа в госпитале в Петербурге, она показала эти фотографии Дмитрию, а тот неожиданно узнал своего погибшего сослуживца. Оба летели в Белгород на одном самолете, вместе провели на передовой всего три дня, а тело Чубарина сослуживцы везли до Белгорода в одной машине с раненым тем же снарядом Дмитрием.

Осколки снаряда перерезали Дмитрию Осипову лучевой нерв и артерию на руке, говорит его супруга. Он потерял три литра крови, врачи сделали уже шесть операций, но кисть и пальцы пока еще не работают.

«Я перед очередной операцией его в больнице спрашивала: "Не страшно тебе?" — вспоминает Лариса. — Он сказал: "Мне здесь не страшно, страшно было там". Но при этом он сожалеет, что слишком мало там пробыл. Вот это вот чувство вины. Я говорю: "Ты должен быть счастлив, что оттуда вернулся вообще"».

«Он пошел так же, как и я, чтобы помириться с женой»

Лариса Осипова говорит, что Дмитрий «насмотрелся телевизора» и поехал воевать в Украину, потому что «там дети умирают». А еще он, как и Евгений Чубарин, хотел вернуть семью — у пары есть дочь, но они разошлись некоторое время назад.

«Когда про этого Женю разговор зашел, мой мне говорит: "Он пошел так же, как и я, чтобы помириться с женой", — горько усмехается Лариса. — Мы разведены уже как год, но были обвенчаны и общались. У него куча проблем была: злоупотреблял алкоголем, да и друзья такие — мне совершенно не нравится этот контингент. Ну, то есть он рассчитывал, что таким образом наши отношения наладятся. У него никого нет — ни мамы, ни папы, он один. Ну вот и "наладились" — теперь я по больницам шарю».

Дмитрий, по ее словам, рассказывал, что никакой подготовки они действительно не проходили. «Я думала, их в Белгороде недели две подержат, подготовят, — возмущается Лариса Осипова. — Они между собой знаете как общаются в больнице? Фото [сослуживцев] друг другу показывают: "А это вот уже груз 200, этот — тоже"».

Несколько недель Осипов находился в отделении военно-полевой хирургии в Военно-медицинской академии. Сейчас его временно перевели в терапию, говорит Лариса: пересадили кожу на руке, и нужно время, чтобы она зажила. Женщина рассказывает, что в больнице операции поставлены на поток: раненых постоянно перемещают по отделениям, чтобы те не занимали койко-места.

«Там есть парень: ампутированы обе ноги от колена, рука ампутирована, пол-лица снесено, кривое такое, — вздыхает она. — И он не говорит, только: "На-на-на-на". Мама его учит заново писать, чтобы он мог как-то общаться... Там ужас, я столько всего насмотрелась. Познакомилась с девочкой из ДНР: у

ее мужа тоже две руки [ранены], ему пальцы еще оторвало, тоже лучевой нерв задет, как и у моего. У другого, например, ранение осколком через голову: люк танка не закрыл, оставил два сантиметра щелку. Туда залетел осколок — ему в голову, пролетел через глаз и ротовую полость, а потом в гортани застрял. И вот он жив. Ему вставили глаз, спасли. Говорю ему: "Ну, теперь будешь двери плотно всю жизнь закрывать везде"».

Лариса нашла в соцсетях контакты семьи Евгения Чубарина. Когда ее бывшего мужа выпишут, они планируют встретиться в Карелии. Правда, удастся ли спасти Дмитрию руку, пока неясно.

«Я каждый день богу говорю спасибо, что он оказался здесь, в ВМА^[7], тут врачи золотые, — в трубке слышно, как Лариса курит. — Им там все приносят наготово: бритвы, пенки, фрукты-овощи, печенюшки, домашние булочки, чай... И в больнице ремонт: оборудование первоклассное, лучшее. Вот то, что происходит после, если остался жив — действительно, обеспечение классное. Но то, что творится там [на фронте] — там бардак».

По ее словам, раненому Дмитрию уже перевели на карту денежное пособие в 3 млн рублей. По медицинской академии «ходит какой-то мужик в гражданском» и рассказывает военным, как правильно писать рапорт на получение компенсации.

«Мне эти 3 млн не нужны, вот они сейчас лежат на карте, — злится Осипова. — Я ему говорю: "Оно того стоит?". Он говорит: "Нет". Я говорю: "Ты понимаешь, что нормальный протез стоит 2,5 млн? Если тебе

не спасут руку?". А когда у них нет ни рук, ни ног, полголовы отсечено, я смотрю и думаю: господи, зачем его вообще спасали, как он дальше-то, всю жизнь мучиться?».

Редактор: Егор Сковорода

1. 80 км от Петрозаводска.
2. На церемонии во время похорон Чубарина выступал старший лейтенант Домир Капкаев, которого представили как сослуживца. Тот сказал, что Чубарин погиб под Мариуполем, однако это расходится как со словами раненого сослуживца, которого нашла «Медиазона», так и с сообщениями самого Чубарина матери.
3. Из-за особенностей подсчета не всегда возможно отделить добровольцев-краткосрочников от обычных контрактников или солдат срочной службы. Так что даже в собранных нами данных их число, вероятно, выше.
4. Точная дата съемки неясна, поскольку Нина Чубарина удалила саму переписку с сыном, остались только фото, видео и аудио. Но оно не могло быть снято раньше 13 и позже 15 мая.
5. Имя изменено.
6. Имя изменено.
7. В Военно-медицинской академии Петербурга.